

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ
КРЕСТЬЯНСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)****

В статье рассматривается состояние крестьянской религиозности в условиях процесса модернизации на рубеже XIX–XX вв., выявляются факторы, способствовавшие эволюции содержания религиозных представлений. На материалах различных источников автор показывает проявления секуляризации общественного сознания.

Ключевые слова: крестьянство, религиозность, церковь, модернизация, секуляризация.

Безусловно, вера и обрядность играли важнейшую роль в жизни крестьянского социума, оформляя собой всю совокупность представлений о строении «мира», придавая ей стройность и целесообразность. В оценке крестьянами односельчанина его благочестие зачастую играло ведущую роль. Положение и авторитет крестьянина в общине определялись не только его трудовыми навыками и умением вести хозяйство, но и соблюдением им норм христианской морали, за чем наблюдала вся деревня. Осуждая нерадивых и совершивших бессовестный поступок, говорили: «Хлеб ест, а креститься не умеет», «Поено да кормлено, а дома не помолено», «Поп сидя обедню служит, а приход (а миряне) лежа богу молятся», «Одному мигнул, другому кивнул, а третий и сам догадается» (о нерадивой молитве), «В тревогу и мы к богу, а по тревоге – забыли о боге», «Научились шить долгие хвосты – позабыли великие посты» [1, с. 42], «Всяк крестится, не всяк молится», «Иной по две обедни слушает, да по две души кушает» [1, с. 49], «Божница домашня, а совесть продажна» [1, с. 50].

Однако, как следует из материалов различных источников, состояние крестьянской религиозности отнюдь не оставалось неизменным, причем определенным рубежом в ходе этого процесса становится конец XIX столетия. Наиболее важными аспектами проблемы выступают: определение начальной, отправной точки фиксируемых изменений, причин происшедшего и характера эволюции содержания религиозных представлений.

Рассматривая систему религиозных представлений русского крестьянства в целом, можно предположить, что в большей степени изменениям подвергнется народное восприятие официальной церкви вообще и деятельности священнослужителей в частности. Н.Н. Златовратский, писавший о деревне 1870-х гг., приводит слова сельского священника, который на свой вопрос, адресованный крестьянам, почему они мало посещают храм, получил ответ: «Мы уж, батюшка, помолились, у нас мольба своя

---

* © Садырова М.Ю., 2012

Садырова Маргарита Юрьевна (ritasadyrova@mail.ru), кафедра права Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, 440028, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28.

** Статья публикуется в рамках выполнения грантового проекта по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 гг.)» ГК № 16.740.11.0414.

была» [2, с. 244]. На основе изучения различных источников В.Ю. Лещенко отметил, что отношение крестьян к православной обрядности, храму и причту в начале XX века колебалось в широком спектре мнений: от равнодушного и даже неприязненного до положительного и почтительного [3, с. 532].

Современники в числе факторов, «отвлекающих» крестьян от приверженности православной традиции, называли воскресные базары, волостные сходки, мирские сходки, «благодаря которым сельские старики не только не освящают воскресного дня молитвою, но проводят его в повальном пьянстве», пропаганду раскольников, формальный характер церковной службы, которая «производится спешно и без надлежащего благоговения, когда, например, причетники читают так, что слышен только непрерывный гул, в котором нет никакой возможности уловить какое-либо слово» [4, с. 1–7]. Корреспонденты этнографических научных обществ указывали в качестве причины непосещения церкви и слабой религиозности прихожан даже «лень» [5, с. 189]. Рациональное зерно, которое можно выделить из столь разных трактовок, состоит в признании формализации значения именно церковной деятельности, указании на наличие кризиса в сфере идеологии как следствия ухудшения социально-политического состояния империи и на угрозу для традиционного общества, исходящую от процесса коммерциализации крестьянского хозяйства.

Одним из важнейших, сущностных показателей народной религиозности, свидетельством степени адаптированности крестьянства к характеру и темпам развития модернизационных процессов, можно рассматривать рост числа раскольников. Так, в 1872 г. в Пензенской губернии, по официальным данным, насчитывалось 6298 человек, отклонившихся от ортодоксального христианства [6, с. 22], к 1884 г. этот показатель возрос на 182,4 % [7, с. 64], а к 1906 г. — на 354,5 %, составив 22326 человек [8, с. 37]. В вопросе о численности русских сектантов в конце XIX в. современники-исследователи расходятся в цифрах. Так, по подсчетам И. Юзова («Русские диссиденты», 1881), число раскольников в России составило 13–14 млн. Н. Субботин («Сущность и значение раскола в России», 1892) сокращает количество раскольников до 3 млн. К. Петрушевский («Руководство для сельских пастырей», 1887, № 22) примиряет противоречие между Юзовым и Субботиным, определяя общую численность раскольников в 8 млн. Если брать последнюю цифру, то и это было весьма внушительно в сравнении с 60 млн православных христиан в России в конце XIX в. (один сектант на 7,5 православных) [9, с. 2].

В конце XIX — начале XX в. деревня все острее стала ощущать потребность в знаниях, заметнее проявлялось стремление родителей к обучению своих детей. Крестьяне видели в образовании залог успешного ведения хозяйственных дел, ждали от школы, что она даст их детям необходимые знания законов и сформирует навыки расчетных операций. «Учить ребят нужно, — говорили крестьяне. — Коли надо записать по извозу — деньги плати. А грамотный сам запишет и расчет сделает. Грамотного всюду зовут, что подписать или написать в волость. Ему всякое дело видней, он не платит, скорее сам получает». Мощным стимулом для поддержки крестьянами школ являлись льготы по военной службе [10, с. 59]. По данным переписи 1897 г., показатели грамотности для отдельных возрастных групп села в значительной степени различались. Так, среди населения в возрасте 10–19 лет (29,1 %) и 20–29 лет (25,9 %) грамотных было примерно в 2 раза больше, чем в возрасте 50–59 лет и 60 лет и старше [11, с. 23].

В пореформенный период прослеживается весьма устойчивая тенденция к значительному росту грамотности среди молодых россиян, призванных на военную службу. Так, по данным А.Г. Рашина, в 1867–1904 гг. процент грамотных среди ратников вырос в Пензенской губернии с 3,4 % до 49 % [12, с. 38]. В условиях модернизации

образование выступало для крестьян определенной формой адаптации. И, по всей вероятности, попытка властей укрепить состояние воцерковленности путем насаждения церковно-приходских школ успеха не имела: школа рассматривалась крестьянами как условие приобщения детей к грамоте, к тому тайному знанию, необходимость получения которого в условиях модернизации хотя и с некоторыми опасениями, но осознавалась.

Охлаждению к церкви в немалой степени способствовало и распространение маргинальной культуры вследствие разрыва преемства, вызванного модернизационными процессами. В частности, в результате отходничества ослабевала связь с землей, размывалось и значение традиционных этических установок. С религиозно-этической стороны труд в отходничестве в восприятии крестьянина терял духовно-православное, нравственное основание. Часто бесприютность и беспризорность становились уделом крестьянина-отходника. Он выпадал из привычного семейно-соседского круга, сельского «мира», своего прихода, из-под пастырского влияния, опеки «батюшки», и потому ослабевали его религиозно-нравственные основания.

По свидетельству Л.И. Емелях, практически во всех епархиальных отчетах начала XX столетия говорилось о потере крестьянами своей былой патриархальности и приверженности к церкви, ее праздникам и обрядам [13, с. 20]. Подобная ситуация объясняется исследователем, прежде всего, посредством эволюции политических представлений крестьянства.

Действительно, при рассмотрении данной проблемы нельзя не учитывать агитационную деятельность леворадикальных партий, фиксация проникновения которой в крестьянскую среду относится к самому началу XX века. Так, в одном из своих отчетов обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев отмечал: «В православно-русском народе пробудилась пытливость. Новые лжеучения в современном безбожном и противоцерковном духе стремятся сбить православно-русский народ с истинного его пути. Особенно этому содействует распространение в народе разных книг, проповедующих неверие и социализм» [14, с. 133].

Первые случаи массового распространения нелегальной печатной и рукописной продукции были зафиксированы в регионе зимой 1902 г., что подтверждается архивными документами [15. Л. 34 об.]. Об успехе социалистической пропаганды свидетельствуют рапорты уездных исправников 1902–1903 гг. в канцелярию пензенского губернатора: «Появление прокламаций и брошюр произвело... сильное впечатление... К этому присоединилось еще недовольство и враждебное отношение к местному духовенству... за усиленные поборы за требоисправление и притеснения по совершению браков и т. п. ...Вследствие этого духовенство потеряло свое влияние на прихожан» [16. Л. 8].

В рапортах также сообщается, что вследствие распространения запрещенных книг совершались поджоги и грабежи домов приходских священников [17. Л. 1; 18. Л. 20].

Революционер, в глазах крестьянства объединенный с образом студента [19, с. 107–108] и обладающий исключительным правом на почти мистическую «ученую» информацию, истинные знания, претендует на место батюшки в качестве учителя, пастыря, наставника. Он обращается к крестьянству, апеллируя к глубинным установкам традиционного сознания в отношении к земле, к обществу, но, манипулируя сакрализованным содержанием представлений, исподволь разрушает религиозную основу и заменяет ее на идеологическую [20].

Более того, в свете рассмотрения взаимосвязи церкви и общества обнаружился и такой фактор, обусловивший отход населения в целом от церкви, как усиление влияния Русской православной церкви в XIX в., особенно посредством ужесточения контроля над браками и разводами. До петровских реформ практика разводов оставалась

в руках мирян, так как Русская православная церковь не имела эффективных способов надзора в сфере соблюдения традиций брака и семьи среди населения. Однако начиная с XVIII в. и весь XIX в. контроль церкви над вопросами развода прогрессивно усиливался, и она начала активно внедрять доктрины нерасторжимости брака. По словам Г. Фриза, «результатом стала брачная система такой строгости, которая была неизвестна в других частях Европы» [21, р. 711]. Русская православная церковь ужесточила свой надзор за семейными нормами, в то время как социальное самосознание народа резко менялось под влиянием процесса общей модернизации. Интеллигенция, а за ней и все слои общества отвергли столь жесткие нормы контроля над институтом семьи и брака. Таким образом, действия церкви оттолкнули от нее народ, способствовали обращению православных к альтернативным религиозным направлениям (протестантизм, старообрядство и т. д.) и придали новый импульс секуляризации, которая наметилась в XIX в. и стала очевидной к началу XX в. [21, р. 711].

Проявлением упадка религиозно-нравственного состояния народа можно считать и ставшие уже привычными для крестьян семейные разделы. В результате таких дележей имущества подрывались устои семьи – со стороны молодых членов крестьянских семей утрачивались почтение и уважение к своим родителям, что нередко переходило в многолетнюю вражду когда-то близких между собой людей. Но сделать здесь что-либо было уже невозможно: стремление вырваться из-под опеки старших и почувствовать себя полноправными хозяевами было настолько сильным, что процесс дробления крестьянских хозяйств с каждым годом только нарастал, подрывая крепость и родственных связей, и всей крестьянской общины в целом [22, с. 186].

Что касается начального этапа деструктивных проявлений, здесь мнения исследователей расходятся. Так, как уже отмечалось выше, Л.А. Андреева предлагает рассматривать в качестве отправного пункта роста религиозного индифферентизма события 14 декабря 1825 г., когда церковь оказалась беспомощной перед декабристами, что, впрочем, не противоречит ленинской трактовке периодизации освободительного процесса в России. У митрополита Киевского Евгения народ изорвал облачение, пытаясь удержать его и не допустить на площадь. К тому же, «заслышав дерзкие насмешки, хохот войска и взбалмошной толпы, пастырь душ отложил миролюбивые намерения, а срамные ругательства, угрозы солдат, в цепи находящихся, побудили 68-летнего старца в страхе скрыться за забор, где он и простоял до получения дозволения возвратиться назад» [23, с. 92].

Между тем в сознании многомиллионной массы крестьянского населения Центральной России события декабря 1825 г. отразились лишь посредством распространения так называемых легенд о вел. кн. Константине и большого влияния на религиозные представления не оказали. В частности, на территории Пензенской губернии в 1830-х гг. имели хождения легенды о вел. кн. Константине Павловиче, который якобы не умер, а где-то скрывается, т. к. «не любит русских дворян и идти в Россию боится». С возвращением «избавителя» крестьяне связывали свои надежды на освобождение [24. Л. 2]. По нашему мнению, процесс секуляризации общественного сознания шел своим неспешным путем параллельно с распространением просвещения и политикой огосударствления церкви вплоть до эпохи Великих реформ, когда патриархальное видение мира столкнулось с серьезными вызовами своему существованию: развитие капитализма выступило фактором пауперизации большинства непосредственных производителей, и в купе с необходимостью выплаты выкупных платежей закладывалась долговременная тенденция ухудшения хозяйственного благополучия сельской общины, нарушалась и гармония системы патерналистских воззрений.

Таким образом, обострение социально-политического кризиса, волнами накатывавшееся на Россию, и последствия модернизационных процессов следует рассматри-

вать как основные факторы секуляризации крестьянского сознания. Русская православная церковь, обладая законодательной поддержкой государства, но лишенная самостоятельности, т. е. все больше терявшая социальные функции и приобретающая политические, неизбежно разделит с государством все проблемы и противоречия. Рост социально-политической напряженности спровоцирует и распространение религиозного индифферентизма [25, с. 421]. Это можно увидеть на примере процедуры оповещения сельского населения о реформе 1861 г., когда крестьяне в очень жесткой форме потребовали от священников предъявить им подлинный, а не фальшивый манифест.

Кроме того, не менее важным фактором секуляризации можно рассматривать явления, вызванные развитием буржуазных отношений (например, отходничество, разрушавшее традиции хозяйственной, семейной, религиозной жизни). Товаризация хозяйства вынуждала по-иному относиться к неизбежности нарушения ряда христианских заповедей (запрет на работу в воскресенье, непосещение воскресных литургий из-за базарной торговли и пр.).

Направлением эволюции религиозной жизни русского крестьянства становится формализация, деструктуризация восприятия РПЦ именно как государственной структуры. Вместе с тем следует с осторожностью говорить об отказе крестьянской массы от религиозного миропонимания и мироориентации. Распространение научных знаний, рост грамотности, технологический прогресс делали процесс секуляризации необратимым, но в условиях России в очень отдаленной перспективе. Социальная история Поволжья свидетельствует об особой приверженности сельского населения региона общинному устройству и патриархальной картине мира [19, с. 6]. Можно предположить, что в этих условиях духовная сторона крестьянской жизни не претерпит серьезных изменений до тех пор, пока будет сохраняться подобная форма социальной организации и соответствующая ей система ценностей.

Библиографический список

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 992 с.
2. Златовратский Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни: очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / сост. Ю.В. Лебедев. М.: Современник, 1987. С. 236–380.
3. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.): монография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна (СПГУТД), 2004. 608 с.
4. Смирнов Н. Религиозное состояние русского православного народонаселения в пределах Пензенской епархии // Пензенские епархиальные ведомости. 1876. № 16. 15 августа. С. 1–10.
5. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во СПбГУ: Петербургское Востоковедение, 2007. 311 с.
6. Обзор Пензенской губернии за 1872 год. Пенза. 32 с.
7. Обзор Пензенской губернии за 1884 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза. 94 с.
8. Обзор Пензенской губернии за 1906 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза: Типография губернского правления, 1907. 62 с.
9. Быстров Н., свящ. Еще несколько мыслей по поводу появления и распространения в пределах Пензенской епархии молоканства и других рационалистических сект // Пензенские епархиальные ведомости. 1888. № 19. 1 октября. С. 1–10.

10. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.: Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.
11. Население России в XX веке: в 3-х т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. I. 463 с.
12. Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. М., 1951. Т. 37. С. 34–40.
13. Емелях Л.И. Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне (секуляризация деревни накануне Великого Октября) // Актуальные проблемы истории религии и атеизма: сборник научных трудов. Выпуск I. Л.: Министерство культуры РСФСР: Музей религии и атеизма, 1975. 152 с.
14. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 гг. СПб.: Синодальная типография, 1909. 149 с.
15. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5 (Канцелярия Пензенского губернатора. 1802–1917 гг.). Оп. 1. Д. 7419.
16. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7333.
17. ГАПО. Ф. 5. Д. 7421.
18. ГАПО. Ф. 5. Д. 7589.
19. Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007. 374 с.
20. Лурье С. Община, империя, православие в русской этнической картине мира XV–XVII веков // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 54–63.
21. Freeze Gregory. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // The Journal of Modern History. 62. 4. 1990. P. 709–746.
22. Дворжанский А.И. История Пензенской епархии. Книга первая: исторический очерк. Пенза: Издат. дом «Пензенская правда», 1999. 512 с.
23. Андреева Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 90–100.
24. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1739.
25. Крестьянское движение в России в 1857–1861 гг.: сборник документов / под ред. С.Б. Окуня. М.: Соцэкгиз, 1963. 882 с.

M. Yu. Sadyrova*

**THE BASIC TENDENCIES OF EVOLUTION OF RELIGIOUS LIFE
OF PEASANTRY ON THE BOUNDARY OF XIXTH–XXTH CENTURIES
(ON THE MATERIALS OF PENZA PROVINCE)**

In the article the state of peasant religiousness in conditions of modernization process in the late XIXth–early XXth centuries is viewed; the factors that contributed to the evolution of the content of religious beliefs are singled out. On the materials of various sources the author shows displays of secularization public consciousness.

Key words: peasantry, religiousness, church, modernization, secularization.

---

* *Sadyrova Margarita Yurievna* (ritasadyrova@mail.ru), the Dept. of Law, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, 440028, Russian Federation.